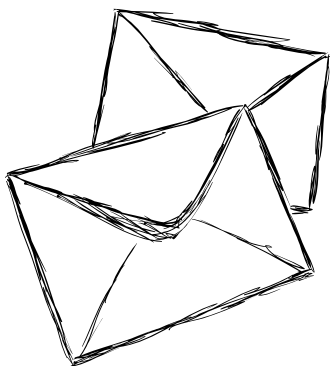

Дженни Хан
Всем парням,
которых
я любила

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
X19

Jenny Han
TO ALL THE BOYS I'VE LOVED BEFORE

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Folio Literary Management, LLC
и Prava I Prevodi International Literary Agency.

Дизайн обложки *Ольги Жуковой* (Вместе и навсегда)

Дизайн обложки *Екатерины Климовой*
(Дженни Хан. Романтические бестселлеры (Кино))

Хан, Дженни.

X19 Всем парням, которых я любила : [роман] / Дженни Хан ; перевод с англ. М. Медведевой — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 352 с.

ISBN 978-5-17-104157-1 (Вместе и навсегда)

ISBN 978-5-17-127099-5 (Дженни Хан. Романтические бестселлеры (Кино))

Ларе Джин 16 лет, и она никогда не выставляет свои чувства напоказ, а изливает душу в письмах, которые хранит в шляпной коробке. Ее письма — это признания парням, которых она когда-то любила. Однажды все послания находят своих адресатов, а жизнь девушки превращается в сущий ад: ей приходится избегать лучшего друга и сестру, а затем она влюбляется в самого красивого парня школы и становится его липовой подружкой. Но как долго Лара Джин сможет врать себе и остальным? Сколько ей потребуется времени, чтобы разобраться со своими чувствами и наконец-то позволить себе стать счастливой?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Text copyright © 2014 by Jenny Han
Jacket photograph © 2014 by Anna Wolf
© М. Медведева, перевод на русский язык, 2015
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2021
© Netflix 2021. Used with permission

ISBN 978-5-17-104157-1
ISBN 978-5-17-127099-5

Глава 1

МНЕ НРАВИТСЯ МНОГОЕ СОХРАНЯТЬ. Не спасать людей или китов, не охранять окружающую среду, хотя все это очень важно. Нравится хранить безделушки. Фарфоровые колокольчики из первой попавшейся сувенирной лавки. Формочки для выпечки, которые, я уверена, ни разу не будут использованы — кому нужны печеньки в виде ступней? Ленточки для волос. Любовные письма... Думаю, из всех моих сокровищ любовные письма — самое ценное.

Я храню их в шляпной коробке — мама купила мне ее когда-то в винтажном магазинчике в центре города. Нет, любовные послания написаны не мне. Увы, таких нет в моей коллекции. Все письма я писала сама. По одному для каждого из тех, кого любила. Каждому из пяти парней.

Я ничего не скрываю, когда пишу, зная, что получатель никогда не прочтет моего письма. Этого никогда не случится. Каждая потаенная мысль, каждое внимательное наблюдение — все, что лежит у меня на сердце, я выплескиваю на бумагу. Излив душу, запечатываю конверт, пишу адрес... И прячу написанное в свою коробочку из-под шляпы.

На самом деле, это даже не признания в любви. Мои письма — объяснения, что я больше не хочу любить. Они — прощание с чувствами. Стоит мне дописать письмо — и любовь уходит. Я могу спокойно есть свою овсянку и более не задаваться вопросом, любит ли он бананы больше, чем «Чириоуз»¹. Могу подпевать песням о любви в одиночку, не посвящая их ему. Если

¹ Товарный знак сухого завтрака из овсяной муки и пшеничного крахмала с минерально-витаминными добавками в форме колечек.

любовь подобна одержимости, то, возможно, мои письма — это своеобразный ритуал экзорцизма. Письма словно освобождают меня. Или, по крайней мере, должны бы освободить.

Джош — парень Марго, но, думаю, не солгу, если скажу, что в него влюблена вся моя семья. Даже трудно сказать, кто любит его сильнее. Прежде чем стать парнем Марго, он был просто Джошем. Он всегда был рядом. Я говорю «всегда», но на самом деле это не так. Он переехал в соседний дом пять лет назад, а кажется, будто бы жил здесь всегда.

Папа, окруженный одними девчонками, любит Джоша за то, что он парень. Папа окружен женщинами по жизни: он акушер-гинеколог и отец трех дочерей. Поэтому жизнь папы — женщины, женщины и еще раз женщины. С Джошем у них нашлись общие интересы: комиксы и рыбалка. Однажды отец пробовал и нас взять порыбачить, но когда мы все втроем разревелись (я — потому что испачкала туфли, Марго — из-за промокшей книги, а Китти просто потому, что была еще слишком маленькой), папа оставил эту затею.

Китти любит Джоша, потому что он играет с ней в карты и никогда не скучает в ее обществе. Ну, или делает вид, что не скучает. Они постоянно играют на спор. Китти, например, говорит: если я сейчас выиграю, ты мне сделаешь хрустящий сэндвич с арахисовым маслом, но без корочки. И выигрывает! В этом вся Китти. Но, как всегда, арахисового масла не окажется дома. Джош вздохнет, мол, жаль, выбери что-нибудь другое. Но Китти все ноет, настаивая на своем, — и вот он уже бежит в магазин за маслом... В этом весь Джош.

Почему Марго любит Джоша? Наверное, потому, что мы все его любим.

Мы сидим в гостиной, все вместе. Китти наклеивает на гигантский кусок картона картинки с собаками.

И, мурлыча себе под нос, говорит: «Когда папочка спросит, что я хочу на Рождество, я просто покажу ему картинки и скажу — выбери отсюда породу на твой вкус, мне любая подойдет».

Марго с Джошем сидят на диване, а я лежу на полу и смотрю телевизор. Джош приготовил огромную миску попкорна, и я сосредоточенно уплетаю его горсть за горстью, пялясь в экран.

Там идет реклама духов: девушка в летящем платье, нежно-розовом, словно лепестки орхидеи, и тоненьком, как папиросная бумага, бежит по улицам Парижа. Я бы все отдала, чтобы стать этой девушкой в полупрозрачном платьице и бежать по весеннему Парижу! Вдруг мне в голову приходит потрясающая идея. Я внезапно вскакиваю и, поперхнувшись попкорном, говорю:

— Марго, а давай встретимся в Париже во время моих весенних каникул!

И я стала представлять себе, как кружусь с фисташковой макарони в одной руке и малиновой — в другой. В глазах Марго появляется огонек.

— Думаешь, папочка тебя отпустит?

— Ему придется. Это же саморазвитие!

Но на самом деле я никогда еще не летала на самолете одна. И вообще еще ни разу не покидала страну. Встретит ли Марго меня в аэропорту или мне придется самой искать дорогу до хостела?

Должно быть, Джош заметил мою тревогу.

— Не волнуйся. Папа точно тебя отпустит, если я поеду с тобой.

Я прямо засияла от радости.

— Да! Мы можем остановиться в хостеле и питаться одними пирожными и сыром.

— И посетить могилу Джима Моррисона, — добавляет Джош.

— А в парфюмерной лавке закажем индивидуальные духи! — восклицаю я.

Джош фыркает:

— М-м, тогда твоя затея с ароматами обойдется нам дороже недельного проживания в хостеле. — И слегка подталкивает Марго локтем. — У твоей сестры мания величия.

— Да, она из всех нас — самая прикольная, — соглашается Марго.

— А я? А как же я? — скулит Китти.

— Ты? — с издевкой подтруниваю я. — Из девочек Сонг ты самая неряшливая. Тебя и ноги-то вымыть на ночь едва заставишь, не то чтобы принять душ.

Китти краснеет.

— Я не об этом, ты как бестолковый дятел! Я говорила о Париже. Можно мне с вами?

Я небрежно отмахиваюсь:

— Ты еще не доросла, тебе нельзя останавливаться в хостелах.

Китти подползает к Марго и забирается к ней на колени, хотя ей уже девять и она слишком взрослая, чтобы сидеть на чьих-либо коленях.

— Можем устроить полноценный семейный отдых, — отвечает Марго, целуя ее в щеку. — Ты и Лара Джин с папой, все могли бы поехать.

Я насупилась. Это совсем не та поездка в Париж, о которой я мечтала. Поверх головы Китти Джош одними губами произносит: «Позже поговорим». И я незаметно отвечаю ему, подняв большой палец вверх.

Уже поздно, Джош давно ушел, Китти с папой легли спать. Мы на кухне. Марго устала в ноутбук, я рядом с ней скатываю в шарики тесто, а потом обмакиваю их в корицу с сахаром. Пеку любимое печенье Китти, сникердудль, чтобы вернуть ее расположение. Вечером, когда я зашла пожелать ей спокойной ночи, она отвернулась и не стала со мной разговаривать. Китти все еще убеждена, что я пытаюсь помешать ей пое-

хоть в Париж. Мой план состоит в том, чтобы оставить сникердудль на тарелке возле ее подушки — пусть сестренку разбудит аромат теплого печенья!

Марго вела себя подозрительно тихо, а потом неожиданно оторвалась от экрана компьютера и выпалила:

— Я сегодня рассталась с Джошем. После ужина.

От неожиданности у меня из рук прямо в сахар выпал комок теста.

— Просто было подходящее время, — сказала она.

Глаза не красные, не заплаканные, голос спокойный и ровный. Любой, посмотрев на нее, сказал бы: она в порядке. Марго всегда выглядит отлично, даже если все плохо.

— Я не вижу причин для вашего расставания, — допытываюсь я. — Если ты собралась в колледж, это вовсе не означает, что нужно расставаться с парнем!

— Лара Джин, я уезжаю в Шотландию, а не в университет Вирджинии. Сент-Эндрюс почти в четырех тысячах миль отсюда. — Марго поправляет очки. — Какой был бы смысл в наших отношениях?

Я не могу поверить, что она могла сказать такое.

— Смысл — Джош! Джош, который любит тебя, как еще ни один парень на свете не любил ни одной девушки!

Марго закатывает глаза от моих слов. Она считает, я драматизирую, но это не так. Джош действительно ее очень любит. На других девушек он даже не смотрит.

Марго неожиданно произносит:

— Знаешь, что мне однажды сказала мама?

— Что?

На мгновение я совершенно забываю о Джоше. Потому что, несмотря ни на что — спорю ли я с Марго или меня вот-вот собьет машина, — я всегда остановлюсь, чтобы послушать историю о маме. Любая мелочь, любое хранимое Марго воспоминание — я хочу, чтобы

оно было также и моим. Хотя мне повезло больше, чем Китти. У Китти вообще нет собственных воспоминаний о маме, кроме тех, что ей дали мы. Мы так много и так часто рассказывали истории про маму, что теперь они принадлежат и ей тоже. «А помнишь...» — начнет Китти и расскажет какую-нибудь историю про далекое прошлое, словно она была там и могла это помнить.

— Мама советовала мне не быть в отношениях с парнем, если я уеду в колледж. Говорила, что не хочет видеть, как я рыдаю в телефонную трубку при каждом разговоре и говорю «нет» там, где в иной ситуации сказала бы «да».

Шотландия — ее «да». Рассеянная, я отрываю кусок теста и кладу в рот.

— Сырое тесто есть вредно, — доносятся до меня слова Марго.

Я словно ее не слышу:

— Джош никогда бы не стал влиять на твое решение. Он не такой. Помнишь, когда ты хотела стать президентом студсовета? Как он руководил твоей избирательной кампанией? Он твой самый преданный фанат!

При этих словах уголки губ Марго дрогнули. Я встаю и обхватываю ее за шею. Она откидывает голову назад и улыбается мне.

— Я в порядке, — заверяет она, но я знаю правду.

— Знаешь, еще не поздно все вернуть. Ты можешь прямо сейчас пойти к нему и сказать, что передумала.

Марго качает головой:

— Лара Джин, все кончено.

Я отпускаю ее, и она закрывает свой ноутбук.

— Когда будет готова первая партия печенья? Я проголодалась.

Бросаю взгляд на магнитный таймер в форме яйца, прилепленный к холодильнику.

— Еще четыре минуты. — И продолжаю, садясь на место: — Марго, мне все равно, что ты скажешь, но

между вами еще не все кончено. Ты слишком сильно его любишь.

Она качает головой.

— Лара Джин... — начинает Марго снисходительным тоном, будто я ребенок, а она зрелая мудрая женщина сорока двух лет.

Я вожу ложечкой с тестом прямо перед ее носом. Сначала Марго сомневается, но затем открывает рот, и я кормлю ее с ложки как маленькую.

— Вот увидишь, вы с Джошем снова будете вместе через день, максимум два.

Но, даже говоря это, я не верю своим словам. Марго не из тех девушек, кто расстается с парнем, а потом из прихоти снова сходится с ним. Если она что-то решила, то так и будет. Без колебаний, без сожалений. Все так, как она сказала: что сделано, то сделано.

Мне очень хочется быть похожей на Марго (эта мысль посещала меня много-много раз, так часто, что и сосчитать невозможно), потому что временами кажется, что я никогда ни в чем не могу быть уверена. Позже, после того как помыла посуду, разложила печенье на тарелке и оставила ее у подушки Китти, я ушла к себе в комнату. Свет не зажигала. Подошла к окну. У Джоша все еще горел свет.

Глава 2

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, КОГДА МАРГО ЗАВАРИВАЕТ КОФЕ, а я раскладываю кашу по тарелкам, я высказываю сестре то, что беспокоило меня все это время:

— Так, просто, чтобы ты знала: папа и Китти сильно расстроятся.

Чуть раньше, когда мы с Китти чистили зубы, меня так и подмывало выложить ей все. Но сестренка все еще злится на меня после вчерашнего, и я промолчала. Китти даже не поблагодарила за печенье, хотя я знаю, что она съела его, потому что на тарелке остались одни крошки.

Марго тяжело выдыхает.

— И что, я должна остаться с Джошем ради тебя, папы и Китти?

— Нет, я просто говорю тебе то, что думаю.

— В любом случае, он все равно не так часто приходил бы сюда после моего отъезда.

Я нахмурилась. Мне даже на ум не приходило, что Джош прекратил бы заглядывать только из-за отъезда Марго. Он заходил к нам еще задолго до того, как они стали парочкой, поэтому я не понимаю, почему он перестал бы делать это сейчас.

— С чего ты взяла? — говорю я. — Он действительно любит Китти.

Марго нажимает кнопку «пуск» на кофемашине. Я внимательно наблюдаю за ее действиями, потому что в нашей семье кофе варила всегда она, а не я. А теперь, когда Марго уезжает (уже через шесть дней), мне стоит узнать, как это делается. Не оборачиваясь ко мне, она произносит:

— Может быть, они даже и не узнают об этом...

— Хм, думаю, они догадаются, когда заметят, что он не провожает тебя в аэропорт, Гоу-Гоу. — Я дала Марго это прозвище в честь сапог для исполнения танца гу-гоу. — Сколько стаканов воды ты залила туда? И сколько ложек кофейных зерен положила?

— Я все тебе запишу, — уверяет меня Марго. — В блокнот.

У нас рядом с холодильником лежит специальная записная книжка. Естественно, это идея Марго. В ней записаны все важные телефонные номера, папино расписание, порядок, в котором надо подвозить детей в школу (пометка Китти). В общем, все самое необходимое.

— Проверь, не забыла ли ты записать номер новой химчистки, — напоминаю я.

— Уже сделано. — Марго нарезает банан ломтиками для своей каши, каждый кусочек — идеальной толщины. — И к тому же Джош в любом случае не поехал бы с нами в аэропорт. Ты же знаешь, как я отношусь к грустным расставаниям.

Марго строит уже давно известную мне гримасу, как бы говоря: «тьфу эти эмоции».

Уж я-то знаю.

Когда Марго решила поступать в шотландский колледж, для меня это было подобно предательству. Хотя я знала, что она всегда мечтала учиться где-нибудь далеко от дома. И, конечно же, она собиралась поступать именно в университет Шотландии и изучать там антропологию, потому что она — Марго, девушка с картами, путеводителями и планами местности. Рано или поздно она от нас все равно бы уехала.

Тем не менее, я все еще немного злюсь на нее. Совсем чуть-чуть. Понимаю, она ни в чем не виновата. Но моя старшая сестра уезжает так далеко... Мы всегда говорили, что навечно останемся девочками Сонг. Старшая — Марго, я средняя сестра, а Китти — младшая. В свидетельстве о рождении она — Кэтрин, для нас же она

просто Китти. Иногда мы зовем ее Котенком, потому что я ее так назвала, когда впервые увидела. Она была похожа на тощего, бесшерстного котеночка.

Мы девочки Сонг — нас трое. Когда-то нас было четверо. Еще моя мама, Ив Сонг. Папа звал ее Иви, мы — мамочка, все остальные называли ее Ив. Сонг — фамилия мамы. Наша же — Кави. Но мы всегда были девочками Сонг, потому что мама говорила, что ее всегда так называли, и Марго решила, мы тоже должны носить эту фамилию. Да к тому же мы больше похожи на кореянок Сонг, чем на типичных американок Кави. По крайней мере, Марго и я. Китти больше похожа на папу: у нее такие же светло-каштановые волосы, как у него. Говорят, я вылитая мама, но мне кажется, что Марго, с ее высокими скулами и темными глазами, больше похожа на нее.

Прошло почти шесть лет. Иногда кажется, что только вчера мама была здесь, а иногда, что ее вовсе не было в нашей жизни, только в мечтах.

В то утро она мыла полы — натерла их до блеска, и все вокруг пахло свежестью и лимонами. На кухне зазвонил телефон, она побежала отвечать и поскользнулась. Ударилась головой об пол и потеряла сознание. Когда же мама очнулась, с ней все было в порядке. Это была короткая ремиссия. Немного позже она пожаловалась на головную боль и прилегла на кушетку отдохнуть, но так и не проснулась.

Маму нашла Марго. Ей тогда было всего двенадцать. Она обо всем позаботилась: позвонила в службу спасения 911, связалась с папой. Она велела мне присмотреть за Китти, которой на тот момент было три года. Я включила телевизор в игровой комнате и осталась с сестренкой. Это все, чем я помогла в тот день. Не знаю, что бы я делала, если бы Марго не было рядом. Несмотря на то, что она всего на два года старше меня, я всегда равняюсь на Марго больше, чем на кого-либо другого.

Когда взрослые узнавали, что мой папа — отец-одиночка с тремя дочками, они восхищенно качали головой, задаваясь вопросом: «Как это у него получается? Как он вообще умудряется справиться со всем в одиночку?» Ответ прост — это все Марго. Она с самого начала была нашим «органайзером»: все помечено, распланировано и расставлено аккуратными, ровными рядами.

Марго хорошая девушка, и я полагаю, что мы с Китти последовали ее примеру. Я никогда не жульничала, не напивалась и не курила сигареты, я даже не встречалась с парнем. Мы часто поддразниваем папочку, говоря, какой он счастливчик, раз у него такие хорошие дочери. Но правда в том, что это мы счастливицы. Он действительно очень хороший отец. И старается изо всех сил. Папа не всегда понимает нас, но он старается, а это самое главное. Между нами, тремя девочками Сонг, есть негласное соглашение: сделать жизнь папы настолько легкой, насколько это возможно. Хотя, может быть и не такое уж негласное, потому что я много раз слышала, как Марго говорит: «Шшш, тише, папочка прилеж- вздремнуть перед тем, как ему снова придется вернуться в больницу» или «Не тревожь папу, сделай это сама».

Я спрашивала Марго, как она считает, что было бы, если бы мама не умерла. Проводили бы мы больше времени с корейскими родственниками со стороны мамы, а не только встречались с ними на День благодарения и Новый год? Или же...

Марго не видит смысла в подобных размышлениях. Такова наша жизнь: в ней нет места для «а что, если бы...». Никто никогда не сможет дать ответа. Я стараюсь, изо всех сил стараюсь, но мне сложно принять такой образ мысли. Я всегда размышляла над тем «а что, если», над неизбежным путем.

Папа с Китти вместе спускаются вниз. Марго наливает папе чашку черного кофе, а я добавляю молоко